

КАВКАЗЪ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ

Тифлисъ: въ Канцелярш Намѣстника Кавказскаго и въ Тифлисской Почтовой Канторѣ. С. Петербургъ: въ Газетной Экспедиціи С.-Петербург. Почтамта, въ книжныхъ магазинахъ В. А. Исаковыхъ, г. Крашенинникова, и С. Лоскутова. Въ Москвѣ: въ Газетн. Экспедиціи Московск. Почтамта. Подписываться также можно во всѣхъ Губернскихъ Почт. Канторахъ.

1853.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Годовое изданіе съ пересылкою . . . 3 р. 30 к.
 Полугодовое 4 . 30 к.
 Газета печатается съ платою за каждую букву по 1/4 коп. сер. со всѣхъ объявленій безъ всякаго исключенія.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ, 11-го Октября.

Государь Императорское Величество соизволилъ отдать слѣдующіе приказы:

въ присутствіи Своемъ въ Царскомъ-Селѣ. Октября 9-го дня 1853 года. Произволяется: За отличие отъ дѣлъ противъ Горцевъ. Черноморскихъ Ливанскихъ баталіоновъ: № 2-го: Подпоручикъ ЗАПАДЪ, въ Поручикъ. Прапорщикъ СЕНКЕВИЧЪ, въ Подпоручикъ. № 6-го: Подпоручикъ БУРМЕЙСТЕРЪ, въ Поручикъ. Прапорщикъ ПЫГАНКОВЪ-КУРИЕНКОВЪ, въ Подпоручикъ. По Гарнизонной Артиллеріи, 11-й Гарнизонной Артиллерійской бригады Прапорщикъ ЕГОРОВЪ, въ Подпоручикъ, со старшинствомъ съ 16-го Марта сего года.

Государь Императоръ объявляетъ Монаршее повеленіе, Черноморскаго Ливанскаго баталіона № 2-го Поручику ХАСТАТОВУ, за отличие, оказанное въ дѣлахъ противъ Горцевъ.

ТИФЛИСЪ, 28-го Октября.

Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ: Штабъ-квартиру 2 Султанскаго казачьяго полка, согласно слѣдующаго Главнокомандующимъ Отдельнымъ Кавказскимъ Корпусомъ распоряженія, назначить въ станціи Алханъ-Юртовской.

(Изъ корп. прик.)

ГОРОДСКАЯ ХРОНИКА

Военное движеніе не перестаетъ оживлять нашъ городъ; вступаютъ и выступаютъ войска, прихорятъ партіи рекрутъ, раздаются пени дисциплинеровъ, отправляются транспорты съ порохомъ, боевыми припасами и хлѣбомъ. Не слабѣетъ и рвеніе Тифлисскихъ гражданъ помогать хлѣбомъ-солью, провожать съ пожеланіями добра и успѣха своихъ военныхъ гостей. 19-го числа были угощаемы три роты 5-го баталіона Тифлискаго егерскаго полка. Они получили приказъ на утро выступить въ походъ; некогда было строить столы на Александровской площади, обыкновенно мѣстѣ нашихъ военныхъ пировъ, и граждане угощали эти роты въ Покровскихъ казармахъ. Но, по слову «красна изба не углами, а широгамъ». Тифлисцы не пожалѣли, что угощали ихъ безъ особенныхъ затѣй, не позабодовали Навагинца, Куринца и Саверана; тифлисскіе граждане угощали ихъ такъ щедро, какъ бы цѣлый міръ былъ свидѣтелемъ ихъ щедрости, и съ тѣмъ радушіемъ, которымъ съ искони въ насъ славился Востокъ. Когда послѣ молебствій и окропленія рядовъ священной водою, солдаты вошли въ казармы, граждане ихъ встрѣтили, какъ хозяева, и угощеніе началось. Нижніе чины размѣстились въ двухъ залахъ, офицеры въ третьей. Обильно и часто наполнялись

чарки виномъ—и громко раздавалось ура, когда провозглашались тосты за драгоценное здравіе Государя Императора, и Князя Намѣстника, смѣло и гордо заверкали глаза пьющихъ, когда одинъ изъ почетныхъ гражданъ предложилъ тостъ за успѣхъ на войнѣ Русскаго оружія. Часа два продолжался ширъ веселый и шумный—лишь одно печалило воиновъ и хозяевъ, что не удостоились они увидѣть Его Свѣтлости Князя Намѣстника, коему болѣзнь помѣшала прѣхать поразоваться радостно своихъ военныхъ дѣтей.

Едва лишь замолкли въ городѣ разсказы объ этомъ обѣдѣ, какъ ихъ смѣнила вѣсть, что 21-го числа на Александровской площади будетъ ширъ горой для вступившихъ наканунѣ въ Тифлисъ 8-ми эскадроновъ Драгунскаго Е. К. В. Маслянаго Приста Виртембергскаго полка и Донской № 7 батареи и встрѣченныхъ у Московской заставы самимъ Княземъ Намѣстникомъ, который переселивъ болѣзнь на конь—выѣхалъ полюбоваться давно знакомыми ему героями. Угощеніе этимъ храбрецамъ предложилъ бывший два года тифлисскимъ градскимъ главою, почетный гражданинъ Юсифъ Афанасіевичъ Миримановъ отъ себя и отъ почетнаго-же гражданина Аршакуни съ К. Сложивъ съ себя обязанности градскаго главы, Миримановъ не сложилъ охоты быть полезнымъ обществу, служить ему чѣмъ и какъ можетъ. Еще за нѣсколько дней до 21-го числа, многіе видѣли этого почтеннаго старика, какъ хлопоталъ онъ, чтобы все было какъ слѣдуетъ, чтобы не забыть чего, чтобы остались довольны его угощеніемъ—его дорогіе гости. Насталъ день торжества и за нѣсколько часовъ до начала пира Александровская площадь наполнилась зрителями всѣхъ сословій, всѣхъ возрастовъ. Всѣмъ хотѣлось видѣть славныхъ героевъ Кутишей, Елису и многихъ, многихъ мѣстѣ, гдѣ зарубили они своими шашками своими въ военной лѣтвищѣ Кавказа. Часовъ въ 12 раздавалъ гулъ мѣрныхъ шаговъ—пришли жданные гости. Всѣ любовались ихъ молодецкимъ видомъ, всѣхъ поразили эти чудо-богатыри Донскіе Артиллеристы, каждый изъ нихъ выглядывалъ героемъ. «Десять Турокъ нужно на одного такого человѣка» говорилъ народъ, глядя на эти выразительныя лица, обросшія усами и бакенбардами, загорѣлыя отъ солнца, закопѣлыя отъ порохового дыма. Толпы зрителей, окружавшихъ Драгунъ и Артиллеристовъ, почтительно раступались, когда показался на площади тотъ, многолѣтней опытности коего—Государю Императору благоугодно было вверить судьбу отряда, собирающагося на Турецкой границѣ—визъ Василій Осиповичъ Вебутовъ. Слѣды недавней болѣзни еще замѣтны были на его исхудаломъ лицѣ, но глаза весело и бодро смотрѣли, и радостно встрѣтили стараго вождя кавалеристы, и можетъ быть въ воображеніи ихъ представлялась та торжественная минута, когда исполня его приказаніе, понесутся они въ атаку на враговъ...

венная минута, когда исполня его приказаніе, понесутся они въ атаку на враговъ...

Когда было отслужено молебствіе, и брызги священной воды упали на ряды воиновъ, началось угощеніе. Все было приготовлено на широкую руку. Солдаты усѣлись за длинные столы, уставленные кушаньями и бутылками съ лучшимъ произведеніемъ Грузіи—кахетинскимъ виномъ. Офицеры и приглашенные гости размѣстились въ палаткахъ, гдѣ была приготовлена закуска. Громкимъ эхомъ повторили тифлисскія горы гулъ всеобщаго ура, гостей и народа—когда провозгласили тостъ за здравіе Государя Императора—и долго еще пировали Драгуны и тѣснились, волновались народныя толпы, съ любопытствомъ и радостію глядѣвшія на гостей, и радовались Драгуны, чѣмъ радужше хозяина, встречая повсюду глаза обращенныя на нихъ съ любовью.

По окончаніи праздника на площади въ 2 1/2 часа, драгунскіе и артиллерійскіе офицеры и нѣкоторые изъ тифлисскихъ гражданскихъ и военныхъ чиновъ, по приглашенію же г. Мириманова—собрались въ залъ Дворянскаго Соборанія. Обѣдъ былъ приготовленъ на сто чловѣкъ. Всѣхъ одушевляло веселье, говорили съ радостію о предстоящемъ походѣ, о будущемъ, несомнѣнномъ успѣхѣ Русскаго оружія, о будущей новой славѣ, что такъ привыкла освѣтить наше оружіе!.. Когда смолкло ура, заглушившее тостъ, предложенный за здравіе Государя Императора и провозглашавшій его Генералъ отъ Кавалерій Редъ—въ краткой, но вѣстой рѣчи высказалъ, что присутствуетъ здѣсь отъ имени Его Свѣтлости Князя Намѣстника, который поручилъ ему выразить искреннее сожалѣніе, что здоровье не позволяетъ ему лично видѣть дорогихъ гостей, но что онъ присутствуя мысленно на торжествѣ, надеется, что Драгуны и Артиллеристы въ предстоящемъ походѣ исполнятъ свой долгъ съ тою же храбростію и честію, какъ исполняли его по нынѣ. Загрѣмло ура, и въ немъ слышалось неподдельное, прямое и горячее желаніе, чтобы Богъ сохранилъ здоровье и продлилъ на долго, долго жизни тому, кто такъ нуженъ намъ, нуженъ всему Краю.

Предлагалось еще нѣсколько другихъ тостовъ и въ томъ числѣ за здравіе щедрого хозяина, и все они принимались съ истиннымъ участіемъ. Уже передъ вечеромъ гости вспоминали, что съ окончаніемъ обѣденнаго стола не кончается угощеніе, что ихъ ждетъ даровой спектакль, которымъ Его Свѣтлости Князю Намѣстнику угодно было угостить своихъ любимыхъ воиновъ. Давалось одно дѣйствіе «Лючіи», волею «Не влюблейся безъ памяти, не женись безъ расчета» и были различныя танцы. Въ 7 1/2 часовъ театръ представлялъ оригинальное, рѣдкое зрѣлище. Отъ верху до низу онъ былъ наполненъ военными, за исключеніемъ только нѣсколькихъ ложъ, гдѣ помѣстились родствен-

Вѣсти изъ городовъ.

ницы Драгуны, которымъ они доставили возможность видеть спектакль, даваемый въ ихъ четь. Въ креслахъ были офицеры, въ ложахъ, егубяхъ и райкхъ солдаты. Повсюду красовались мундиры, выцвѣлись мужественныя лица—среди затѣливыхъ арабесковъ изысканнаго Востока, надъ сияющимъ золотомъ барьеромъ ложъ блестяли кованныя кавалеристскіе эполеты. Сперва на лицахъ солдатъ замѣтно было удивленіе, недоумѣніе: куда это, дескать, они попали: съ любопытствомъ разглядывали они эту странную сіяющую залу, эти комнатки подъ померами—ложи, гдѣ засѣли они такъ удобн, и всю эту живопись, все это диво-дивное. Но скоро они увлеклись представлениемъ и надъ ними музыка произвела свое обычное впечатлѣніе, и ихъ слухъ, привышій къ шуму битвы да къ хорамъ полковыхъ пѣснниковъ—поддался обаятельному вліянію италіанской музыки. «Чистый соловей! говорили они про М-ше Рюффи. Лихо баситъ, да и руками показываетъ важно, толковали они объ г-нѣ Сансони. Не мало занимала ихъ и игра г. Мухина, который въ качествѣ мужа девяти женъ, былъ въ большихъ хлопотахъ. Вишь угораздило его на девяти жениться! видно что штатскій! нашему брату солдату и съ одной бабою пожить некогда! Объ искусствѣ танцовщицъ отзывались они съ большимъ уваженіемъ... Но одинъ неожиданный сюрпризъ поразилъ не только солдатъ.—съ присутствующіе въ театрѣ были пріятно изумлены, когда г-жа Яблочкина, игравшая роль русской жены многоженца, послѣ просьбы публики повторить пропѣтыя куплеты про матушку Москву, дорогую сердцу русскому—гдѣ бы, въ какой бы далекой сторонѣ оно не было, вмѣсто куплета кончившагося стихами:

Ахъ! во свѣ и на яву
Все мечтаю про Москву!
Ай лю-ш! лю-ш! лю-ш!
Про родимую Москву,
Бѣдокаменную!

Пропѣла слѣдующій, случая ради, написанный куплетъ:

А другой-то край у насъ,
Нашъ воинственный Кавказъ;
Грозный старецъ боевой
Онъ Россіи часовой.

Онъ не дремлетъ на часахъ,
Горнамъ онъ внушаетъ страхъ
И на Турка онъ готовъ,
Только кликнетъ казаковъ
Да драгуновъ молодцовъ;
Грянетъ молвѣй штыковъ
Да и съ Богомъ на враговъ.

Да! прекрасенъ край у насъ,
Вишь воинственный Кавказъ
Ай лю-ш! лю-ш! лю-ш!
Охраняющій Кавказъ,
Русь прославленную.

Эффектъ, произведенный этими стихами, возторгъ услышавшихъ ихъ—были невыразимы, загремяли рукоплесканія и радостные клики; заставили г-жу Яблочкину повторить куплетъ нѣсколько разъ, и нѣсколько разъ ее вызывали, бросали ей букеты.

Такъ кончился въ Тифлисѣ этотъ замѣчательный день, который можно назвать «днемъ Драгуновъ»; съ утра до поздней ночи мы были съ ними, подлѣ нихъ—и вѣрно пройдетъ много, много времени, пока забудутъ они насъ иль мы ихъ забудемъ; а водевильный куплетъ превратится въ полковую пѣсню, и раздается его напѣвъ при бивачныхъ огняхъ, и услышатъ равнины и горы Турціи—про грознаго, недремлющаго часоваго Россіи, про старца боеваго!...

СТАВРОПОЛЬ. Въ послѣднемъ № *Ставр. Вѣд.* напечатано подробное описаніе приему, сдѣланному въ Ставрополь, пребывающему нынѣ въ Тифлисѣ, чрезвычайному персидскому посланнику Садръ-Мирзѣ-Магоммелъ-Гуссейну. 5-го Октября посланникъ прибылъ въ Ставрополь и былъ встрѣченъ съ почестями, приличными своему сану; 6 числа онъ сдѣлалъ почетный визитъ Гражданскому Губернатору, у котораго въ тотъ же день изволилъ обѣдать, а въ 9-ть часовъ вечера, по предварительному приглашенію Старшинъ Дворянскаго Собранія, посетилъ Ставропольское Собраніе. Приводимъ описаніе этого посѣщенія:

«Встрѣченный Старшинами и пройдя залу, въ коей находились одни мужчины, Посланникъ былъ введенъ въ гостиную, наполненную дамскимъ обществомъ.—Эта комната, въ полномъ смыслѣ слова, угождалась прелестному цвѣтнику, гдѣ красота и граціозность поевтительницъ, спорила съ изысканымъ вкусомъ и роскошью ихъ блестящихъ нарядовъ.

При появленіи Посланника, нѣкоторые изъ дѣвицъ встали и съ очаровательною любезностію предложили ему свой мѣста. Почтенный лѣтами и заслугами своему отечеству, Персидскій Савонникъ, съ улыбкою удовольствія и вѣжливыхъ выраженій, просилъ у нихъ извиненія за причиненное имъ безпокойство своимъ посѣщеніемъ и, поклонившись на все стороны, сѣлъ на диванъ.

Спустя нѣсколько времени, все выпли въ залъ, гдѣ Посланникъ занялъ приготовленное для него кресло—и начался танецъ. Наши дамы, желая подражать Азіатскому обычаю, просили предложить именитому гостю калянъ; Садръ-Мирза принялъ его, но не захотѣлъ курить въ присутствіи дамъ; а отправился въ отдельную комнату, гдѣ въ рукахъ съ калянномъ, угощаемый прохладительными питьями и лакомствами, провелъ болѣе получаса, въ бесѣдѣ съ Гражданскимъ Губернаторомъ, при чемъ неоднократно выражалъ Его Превосходительству чувства живѣйшей его благодарности за радушій приемъ, роскошное угощеніе и общую о немъ заботливость.

Въ 11-ть часовъ вечера, Посланникъ, объявивъ, что на другой день предполагаетъ выѣхать въ 6-ть часовъ утра, просилъ не съезжать на него, что онъ рано оставляетъ Собраніе и простившись со всеми присутствовавшими, повторилъ свою признательность за оказанное ему вниманіе, и весьма приветливо и съ чувствомъ сказалъ: «я никогда не забуду радушнаго приема въ Ставрополь и тѣхъ лицъ, съ которыми имѣлъ удовольствіе здѣсь познакомиться».

7-го Октября, въ 8-мъ часовъ утра, Персидскій Посланникъ оставилъ нашъ городъ, съ тѣми же почестями, съ какими былъ встрѣченъ. Предъ выѣздомъ своимъ, онъ вручилъ Ставропольскому Полиціймейстеру г. Подполковнику Шаликову, прекрасно литографированный портретъ Его Величества, нынѣ царствующаго Персидскаго Шаха Наеръ-Едина, во весь ростъ, въ одеждѣ регулярныхъ Персидскихъ войскъ, и просилъ передать оный г. Гражданскому Губернатору въ знакъ памяти его и дружбы. Внизу портрета начертана на Французскомъ языкѣ слѣдующая надпись:

Souvenir offert a S. Exc. Monsieur le Général Wolotzkoi par Mirza Mohammed Houssein sur son passage à Stavropol le 7 Octobre 1855, 15 Moharrem 1270, или: Подарокъ, предложенный Его Превосходительству г. Генералу Волонскому, на память отъ Мирзы Магоммелъ-Гуссейна, въ прощаніе его чрезъ Ставрополь 7-го Октября 1855, 15 Могаррема 1270.

Новочеркасскъ. Въ этомъ городѣ случилось печальное событіе, которое должно возбудить со-

жалѣніе у многихъ жителей Тифлиса. Въ концѣ прошедшаго мѣсяца, смерть дохнула у человечества прекрасную женщину, и искусства замѣчательную артистку, скончалась г-жа Кристиани. Здоровая и веселая она давала концерты, и когда утонительные звуки ея виолончели послышались по залу, смерть ужъ носилась надъ виолончелесткою. Когда ей аплодировали, когда ее вызывали и ея сердце можетъ быть такъ радостно билось—думала ли бѣдная, молодая музыкантша, что не долго ему биться, что возвратившись домой, часа чрезъ два послѣ концерта, она встрѣтитъ холодныя объятія смерти, и осиротѣтъ любимый, дорогой ей инструментъ, и скатыя, оледѣлыя холерою ея искусныя руки ужъ не заставятъ послушный смычекъ извлекать звуки, залетавшіе въ души многочисленныхъ почитателей ея таланта. Думала ли она, что окончитъ концертъ, она покончитъ и съ жизнью? И кто знаетъ, быть можетъ концертъ и аплодисменты, восторговъ, потряса ея нервы—помогли грозной болѣзни такъ быстро одолѣть свою жертву. Не думала усонная, въ цвѣтѣ лѣтъ, такъ неожиданно, изъ міра гармоній, въ которомъ постоянно жила, перенестись въ міръ иной, вѣщей гармоній; но не смущая мыслію о смерти своей прекрасной, безукоризненной жизни, она всегда готова была предстать предъ судьбою. Того, Кто, по народнымъ вѣрованіямъ—не оставляетъ избранныя души долго томиться въ омутѣ свѣта. Она была добра, сердце ея всегда было чисто, рука всегда готова протянуться съ помощію къ бѣдному. Какъ артистка она знала вся Россія и большая часть Европы, какъ объ женщинѣ о ней говорили очень много, а это по мнѣнію великаго знатока людей Наполеона—лучшая рекомендація женщины.

Мы весьма сожалѣемъ, что сообщая своимъ читателямъ печальную вѣсть о кончинѣ артистки, многимъ изъ нихъ лично известной, не можемъ присоединить по подробности о роковомъ случаѣ: мы написали о немъ по слухамъ.

Почти въ одно время съ пребываніемъ въ Новочеркасскѣ г-жи Кристиани давалъ въ этомъ городѣ нѣсколько концертовъ, Аполлиарій Коуцскій, который былъ тамъ провозомъ въ Тифлисѣ. Объ этомъ мы прочли въ 124 № *Моск. Вѣд.*

Ахалкалаки. Изъ этого города намъ пишетъ г. Переваденко о своихъ ученыхъ трудахъ, предпринятыхъ имъ по совѣту Академіка Брюссе, который указывалъ ему на нѣкоторые окрестныя Ахалкалаки и Ахалцыху мѣста, гдѣ для археологін могла бы быть богатая жатва. Г. Переваденко посетилъ мѣста, лежащія близъ *Тбисхурскаго* озера, селеніе *Хумрисы*, осмотрѣлъ тамъ древнюю крепость и церковь и снялъ надписи, и *Самсарское* ущелье гдѣ онъ также отыскалъ и сконировалъ нѣсколько надписей. О результатахъ своей работы г. Переваденко сообщилъ г. Брюссе.

Изъ *Ахалцыха* сообщаютъ, что прошлымъ лѣтомъ жена одного тамошняго жителя родила мертваго младенца женскаго пола, съ слѣдующими очень замѣчательными уродливостями: на мѣстѣ носа была у него мягкій отростокъ, пушкообразнаго вида, сплюснутый и завороченный во лбу; по выравниванію онъ оказался длиною болѣе полувершка и толщиной въ мизинецъ, къ концу ширѣ, съ глухимъ на срединѣ оконечности своей углубленіемъ, а внутри состоялъ изъ двухъ сросшихся трубочекъ слезистой оболочки, одѣтыхъ обшими покровами; на мѣстѣ глазъ не было никакихъ глазныхъ начатковъ; на мѣстѣ рта находились широко-раскрытыя губы, а между ними два глазныя яблока, сросшіяся между собою; ниже подбородка было круглое отверстіе, въ которое можно входить гуевное перо; по разсѣченіи найдено, что отъ этого отверстія вдоль до гортани открывался сверху небный сводъ.

ТОМЪ, О СЕМЬ И МЕЖДУ ПРОЧИМЪ О СОСЛОВІЯХЪ
ЗАКАВКАЗСКИХЪ.

(Продолженіе.)

— Жли здѣсь меня, мой конь, сказала Амиранъ, какъ не стало завѣтной коробочки,—ты жди меня три дня; на четвертый, если не придешь, ступай домой и пусть поминаютъ, что яжи меня Амираномъ.

— Орломъ я хочу быть! и орелъ царственно несся за вороною. Еще взямахъ могучаго крыла и она въ когтяхъ твоихъ! Но ворона, какъ и прежде, падаетъ на землю и слѣды ея исчезли. Вперилъ орелъ свои пронзительные взоры на землю, по линіи паденія и, чѣмъ объяснить это? тамъ, на равнинѣ безплодной и давно спящей солнцемъ, красуется одно единственное растение, одинъ единственный стебелекъ полезнаго мака.

Скорѣе на землю, человекъ!... и съ мѣста, гдѣ палъ орелъ, человекъ ужъ нагнулся, чтобъ сорвать махровый цвѣтокъ, но цвѣтокъ разсыпался по землѣ маковыми зернами. Ихъ цѣлыя тысячи: въ которомъ же таится врагъ?

Съ вопросомъ задумавъ и отвѣтъ и гордый проусъ тщательно выклепываетъ уже все зерно поодиночкѣ. Одно изъ нихъ какъ-то дальше пролилось и только что страусъ завидѣвъ его, какъ очутился тамъ леопардъ; страусъ взвился въ воздухъ, что было силъ, и опрокинулся на спарта громадную скалою. Изъ полъ-скалы только перелетъ понесся въ воздухъ по всемъ направленіямъ; леопарда какъ не бывало. Откуда ни возьмись—дождь проливной, тропической, и все прибило снова къ землѣ: зола заведена въ прозрачную воду и въ ней безопасно мечется со стороны въ сторону золотая бѣлка.

Последняя капля дождя пала въ воду пенимомъ. Нешая, куда дѣться отъ него, рыбка скользнула изъ воды и легкою газелью помчалась въ даль. Настигаемая однакожъ тигромъ, превратилась въ сизокрылую сою и понеслась надъ дремучимъ лѣсомъ; но соя слышитъ собою свистъ соколиного полета и падаетъ въ чащу.

Въ какомъ образѣ доверилась она двѣтвенной скромности и непроницаемости этой дебри, шипеть скоро было мудрено, а раздумывать шло—тарить время врагу и, неговоря дурно слова, лѣвъ охватилъ со всехъ сторонъ оменемъ. Трескать, ломаются и падаютъ въ вѣтвяхъ деревья; пурпурнымъ свѣтомъ выщени все лѣсное существо, надъ которыми вдругъ разразилась такая бѣда неминуемая: одревѣть въ ужасѣ, другіе воютъ, свистятъ, шипятъ; но одинъ, которому слѣдо бы по настоящему рыкать, не рыкаетъ, а шипитъ и грозно озирается. Пыши огонь, пали, петребляй все и всѣхъ, въ особенности то гордаго льва; скорѣе, скорѣе!!! не то... что это за шумъ! Боже! не земля ли опрокинулась вверхъ дномъ; не море-ль заняло мѣсто воздуха!! увы! Все залито, все затоплено! жется и некры ужъ нѣтъ ни гдѣ роскошнаго огня. Однако, вонъ, вдали, мерцаетъ еще тухнетъ—и страшный, всениспровергающій ураганъ несется отсюда; еще мгновенно и его не осталось: ни воды, ни огня, ни льда, только брызги послѣ потона, да трепеть въ урагана!

Все съ полсотни подобныхъ превращеній, почти въ виду палатъ Мадж-лумы, не ште бабочку, которую преслѣдуетъ скво. Бабочка стремится къ рѣкѣ, какъ къ своему убѣжищу, долетаетъ до моста и въ моментъ падаетъ на него; но съ моста въ противоположной бабочки скатился увѣсенный кругъ и канулъ въ воду.

Въ подлинно, дуракъ броситъ камень въ водоемъ умныхъ не вытащитъ.

Сдѣлавъ за паденіемъ камня, въ рѣку опу-

кается желѣзная плотина, теченіе измѣнилось и въ несколько минутъ дно стараго русла какъ на ладони. Тѣмъ тѣмъшая народу какъ изъ земли выросла на берегу, чтобъ руками перебрать весь булыжникъ,—чтобъ ни одного гольша не оставить въ грунтѣ. Одинъ изъ людей замѣтилъ печально въ одномъ изъ гольшей не свойственное ему движеніе и только что сдѣлалъ шагъ впередъ, чтобъ взять его, раздвинулась земля и поглотила все и всѣхъ.

Не смотря на многостороннюю мудрость Мадж-лумына совѣта, ни кто изъ членовъ его не могъ предугадать въ началѣ, что имъ придется не разъ еще трактовать объ участи Амирана. Съ тѣхъ поръ, какъ возвратился домой конь его безъ сѣдока, совѣтъ несколько разъ собирався въ полномъ своемъ составѣ, чтобъ найти какую нибудь возможность выслѣдить юношу. Затруненіе это понятно, когда вспомнимъ, что стоило ему самому, или Бакъ-Баку, на одну минуту упустить другъ друга изъ виду, и слѣды одного окончателно погибли бы для другаго.

Но чтобъ кончить скорѣе этотъ лишній разговоръ, возвратимся къ прогалинѣ, надъ которою суждено было совершиться послѣдней метаморфозѣ.

Изъ пропасти несется къ небу громадный драконъ и мчитъ съ собою человекъ, который, не думая уже о предстоящемъ паденіи, безуспѣшно силится всадить ему въ грудь свой булатный мечъ. Въ безмолвномъ пространствѣ надъ прогалиною, въ то мгновеніе, когда вырвалось оттуда чудовище, раздалось что-то въ родѣ ай! и замерло тутъ-же. Оглянулись на этотъ крикъ и драконъ и человекъ, но было все пустынно и продолжали—драконъ взносится къ небу, человекъ безуспѣшно приспособляетъ мечъ къ удару. Уносились они выше и выше, быстрѣ нашихъ аэростатовъ, поднялись на высоту почти не достигаемую для нашего арміи и тамъ драконъ выпустилъ человека изъ своихъ чудовищныхъ объятій.

Летитъ обратно бѣдный юноша, описывая въ верхнихъ слояхъ воздуха неравномерные круги и мчитъ къ землѣ быстрѣ и быстрѣ. Еще мгновеніе и земля его разкваситъ! но что это? онъ несется ужъ тише, гораздо тише! А! это очаровательныя Пери встрѣтили его на полпути паденія, приняли всѣмъ сонмомъ на свои пуховыя, бархатныя ручки и, невидимыя, бережно опустили на землю.

Трудно было смертному, утомленному продолжительною борьбою, очнуться скоро послѣ аэролитнаго движенія, придти въ себя раньше, чѣмъ драконъ нападетъ снова. Такъ и случилось:

Увидѣвъ ошибку въ своемъ расчетѣ на продолжительное безпамятство Амирана, драконъ опять подхватилъ его, поднялся съ нимъ еще выше прежняго и оттуда не опустилъ, а кинулъ его съ остервененіемъ.

Но невидимыя Пери снова встрѣтили его на полпути паденія и свези съ высотъ, какъ по барской лѣстницѣ. Въ этотъ разъ онъ сохранилъ столько сознанія, что успѣлъ приготовить къ третьему воздухоплаванию. (Прекрасный способъ, о которомъ братья Монгольцы и послѣдователи ихъ не имѣли свѣденія). За этимъ третьимъ стремленіемъ къ небу на землѣ раздался уже не крикъ, а хохотъ торжества: падающимъ тѣломъ былъ уже драконъ: онъ мчался быстрѣ человека, какъ тѣло большей тяжести и лишенное свободы движенія, потому что былъ насквозь проколотъ булатомъ. Амирана несли Пери съ самаго зенита, ублажая его и убаюкивая, какъ нельзя милое.

Менѣе тѣмъ Бакъ-Бакъ рухнулъ на землю и выронилъ завѣтную коробочку; не успѣвъ онъ вспомнить объ ней, какъ она очутилась въ рукахъ Мадж-лумы;—а Мадж-лумъ какъ тутъ очутилась, неизвѣстно! Сдается впрочемъ, что крикъ и хохотъ надъ прогалиною и услуги,

оказанныя юношѣ періями, были учинены на мѣсть ею самою, или по непосредственному ея распоряженію.

Бакъ-Бакъ смѣкнулъ и этому дѣлу и нѣтъ ни какого сомнѣнія, что мы услышали бы грозный скрежетъ, еслибы были у него зубы. По этой причинѣ ни кто ни чего неслыхалъ, а видѣли только зайца, который съ точки паденія дракона свырнулъ въ кусты, хотя преслѣдовать его и не было ужъ ни кто намѣренъ.

Кажется, нѣтъ надобности говорить, что конецъ всѣхъ этихъ превращеній послужитъ началомъ самой вѣрной генеалогіи всѣхъ современныхъ красавицъ и красавцевъ востока, такъ какъ онѣ и они происходятъ, прямо или косвенно, отъ Амирана и Гюльнари.—

Мы привели этотъ разговоръ, какъ изволите припомнить, въ угодность тѣмъ, кому угодно было прочесть это.

А о превращеніяхъ завели мы рѣчь вообще по двумъ причинамъ:

Во первыхъ, какъ сыны востока, мы благоговѣемъ предъ событіями действительными; но въ глазахъ нашихъ они потеряли бы всю свою прелесть, еслибы не раздвѣчивали мы ихъ иногда по своему, еслибы не обстановкавали ихъ чудесами изъ міра фантазіи и не убаюкивали нашего воображенія по способу нашихъ предковъ.

Во вторыхъ метаморфоза происходитъ также въ мірѣ реальномъ, какъ и въ мірѣ идеальномъ; вся разница въ томъ, что гдѣ и можно и должно, не замѣчаемъ ее; а гдѣ быть ее не можетъ, тамъ непременно хотимъ найти и находимъ.

Вы говорите, что еслибы взять одни факты изъ нашей действительной жизни и, откинувъ голы и вѣка, протекшіе между ними, связать ихъ одною нитью, одною мыслью, событія показались бы превращеніями почти Овидіевыхъ; а между тѣмъ событія эти ничего не удивляютъ потому, что они объясняются своимъ временемъ.

Мы съ вами въ этомъ были и есмь совершенно согласны; спорить стало-быть не о чемъ и стало-быть, можно теперь перейти къ тѣмъ превращеніямъ, которыя происходятъ въ нашей общественной жизни и у которыхъ необходимо отнять всю чудесность, чтобы доказать, что они—дѣло не воображенія напряженнаго, а разумной воли, разумнаго стремленія отъ дурнаго къ хорошему, отъ хорошаго къ лучшему.

Для этого предположили мы поразсказать кое-что о Кавказѣ.

Вотъ и очутились мы липемъ къ лицу съ первоначальными тремя нашими вопросами, изъ которыхъ только средній разрѣшенъ по нашему желанію.

Если, на основаніи этого разрѣшенія, вамъ угодно говорить о Кавказѣ въ смыслѣ его каменности, его однѣнности, тогда придется намъ бесѣдовать съ вами о составныхъ его частяхъ, каковы: гранитъ, эвритъ, авгитъ, трахитъ, афанитъ, березитъ, пегматитъ, гнѣсь, сланецъ, шпатъ, лабрадоръ, порфиръ, песчаникъ, конгломератъ и пр. пр., и распределить ихъ по пластамъ, по крикамъ, ущельямъ, котловинамъ и пр. и пр.

Но вамъ интереснѣе покуда бесѣда о составныхъ частяхъ Кавказа—живыхъ, и именно краснобайствующихъ! Это очень естественно. Но и такихъ частей множество неисчислимо: можете судить по слѣдующимъ наименованіямъ: глехи, райтъ, речбаръ, кма, казахи, мехадур, ага, султаны, меликъ, бекъ, узденъ, ханъ, азнауръ, таватъ, гражданинъ, дворянинъ, князь и пр. и пр. Краснобай этихъ наименованій наполняютъ собою пространства, имѣющія свои историческія и неисторическія наименованія:—Грузія, Имеретія, Мингрелія, Армения, Карабахъ, Шеки, Ширванъ, Талышъ, Дагестанъ, Чечня, Абсжу, Кабарда, Белаканъ (замѣтьте не Бьлоканъ), Гурія, Абхазія, Лечхумъ, Хунзахъ, Казы-Кумюкъ, Одишъ и пр. и пр.

Говорить разомъ обо-всѣхъ и обо-всѣмъ, зна-

чило бы похвалиться силою сказочнаго героя Карамана, который засунулъ, говорятъ, свои могучія руки подъ подошву Кавказа, приподнял его выше своей головы, которая была утверждена на весьма высокихъ плечахъ, и держалъ его такимъ образомъ на воздухѣ трое сутокъ, пока не прошли подъ нимъ свободно миллионы людей, состоявшихъ у Карамана въ командѣ. Тогда стоило бы стать вамъ восторженъ и собственными глазами любовались бы на это шествіе. Но Карамановъ уже нѣтъ, а Кавказъ отъ того не сдѣлался меньше.

По этому позволяете ограничиться на сей разъ Закавказьемъ, или лучше сказать, тою его частью, которая населена народомъ православнымъ. О другихъ частяхъ можно побеседовать на послѣдяхъ.

Въ августъ мѣсяцъ 1849 г., ѣхали мы изъ Тифлиса по дорогѣ въ Ахалцыхъ.

Насъ было весьма не много, если вспомнить, что писатели пользуются практическимъ правомъ говорить о себѣ во множественномъ числѣ.

Не довзая версть 20-ти до Боржома, съ которымъ вы уже знакомы, на оконечности Карталинской равнины, замыкаемой хребтами Ваханскихъ и Ахалцыхскихъ горъ, готвилася намъ замѣчательная встрѣча.

Жаль очень, если вы не видали этой мѣстности: описывать ее теперь невозможно; иначе будемъ увлекаться видами на каждомъ шагу.

Скажемъ только, что вправо, на отлогости Ваханскаго лѣснаго хребта, раскидываются грузинскія селенія небольшими группами; влѣво возносятся громадные «побиты праха въ небеса», также одѣтые льсомъ, этииъ лучшимъ украшеніемъ природы, какъ выразился уже не Бенедиктовъ, а одинъ изъ нашихъ Закавказскихъ ученыхъ.

Эти виды, этотъ гулъ Куры, которая вырывается изъ Боржомскаго ущелья, расторгая здѣсь объятія двухъ хребтовъ; эти порывы сѣверо-западнаго вѣтра, конвоирующаго Куру по ущелью; этотъ шумъ, шорохъ, шелестъ въ окружающемъ насъ льсу; все эти безискусственные виды и напѣвы природы заглушали и усыпляли насъ, какъ вдругъ, среди нихъ, послышались намъ и напѣвы искусственные. Странное, но не лишнее прелести сочетание сотни голосовъ звонкихъ, бойкихъ, молодецкихъ несется къ намъ, какъ на волнахъ рѣки, слышите и слышите. Еще минута, и чисто Кавказская кавалькада, въ составѣ до полутора всадниковъ и всадницъ, несется къ намъ на встрѣчу маршъ-маршъ.

Сбруя и чепраки, залитые серебромъ и золотомъ подъ дамами; полное вооруженіе кавалеровъ, не смотря на полную безопасность, и ихъ головы, обмотанныя шерстяными кабалахами, или кашононами, не смотря на зной лѣта: все это съ перваго же взгляда показало намъ, что мы встрѣтились со знатною Гурійцевъ и Имеретинъ. Они возвращались съ Боржомскихъ водъ.

Межь ними мчался изъ нашей братии только одинъ, чиновникъ весьма хорошо намъ знакомый, и мимолетнаго взгляда его было достаточно, чтобъ и намъ присоединиться къ кавалькадѣ, изъ нетерпѣнія узнать составъ ея; свободаго же времени было у насъ въ запасъ дня на три.

И такъ на лѣво кругомъ; сажень за 30 правое плечо вперед и ужъ несемся на гору, въ послѣднее Грузинское селеніе предъ Боржомскимъ ущельемъ.

Поздравляемъ хозяина, къ которому полтора-раста человекъ почетныхъ всадниковъ стремится въ 11 часовъ утра и, конечно, обвѣдать; позд-

раваемъ потому, что подобное посѣщеніе принимается, безъ шутокъ, за благословеніе Божіе.

Кто-жъ этотъ несчастливый изъ смертныхъ? Но рѣчь не объ немъ, при томъ же одна изъ Грузинскихъ пословицъ рѣшительно воспрещаетъ шутить съ дворянскимъ угощеніемъ, (სწესებრთა სტუმრობას ხუ გვინბს ხუძინბდას) и постараемся воздержаться.

Пиры Гомера живутъ еще въ Закавказьи, занесенные туда ввѣроятно Язеномъ 3150 лѣтъ тому назадъ, живутъ они со всемъ своимъ шумомъ и разгуломъ.

Но мы займемся теперь и не пирами, а скажемъ только, что на этомъ скороспѣломъ, но разгульномъ и емлетъ чинномъ пиру у грузинскаго дворянина, мы отличили три наименованія высшаго сословія.

Батоншвили, или правильнѣе батонисшвили. (ბატონისშვილი).

Тавади. (თავადი).

Азнаური. (აზნაური).

Наименованія низшаго сословія, какъ мы узнали послѣ, суть:

Мсахури. (მსახური).

Моджалабе. (მოდჯალაბე).

Кма. (კმა).

А общее наименованіе этихъ трехъ сословій глехи, глех-каци, или казахи. (ყვსხი).

(Продолж. въ слѣд. №).

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

На скаковомъ кругѣ, что на Навтлугѣ, назначается 1-го будущаго Ноября СКАЧКА. Записывать лошадей можно у Д. С. Колзкова, на Давыдовской площадкѣ, въ домъ Асатіанова. О времени же другихъ осеннихъ въ текущемъ году скачекъ имѣютъ быть всякій разъ объявленія.

«ПАМЯТНАЯ КНИЖКА»

НА 1854-й ГОДЪ.

«Памятная Книжка», ежегодно издаваемая отъ Военной Типографіи, будетъ напечатана и на 1854 годъ. Въ «Памятной Книжкѣ» будутъ помѣщены:

1. *Именисловъ*, съ пробѣлами для отмѣтокъ.
2. *Росписаніе чиновъ* въхъ главныхъ управленій Россійской Имперіи, Царства Польскаго и Великаго Княжества Финляндскаго, и другія необходимыя для каждаго свѣдѣнія.
3. *Гравюры*.

Въ «Памятной Книжкѣ» будутъ помѣщены: винетка въ заглавномъ листкѣ и 14 замѣчательныхъ видовъ, гравированныхъ въ Лондонѣ извѣстными художниками, а въ концѣ приложится описаніе пожарныхъ сигналовъ въ С.-Петербургѣ.

Гг. иногородные, желающіе имѣть «Памятную Книжку», могутъ обращаться съ требованіями своими:

Въ С.-Петербургѣ:
Въ Военную Типографію, находящуюся въ домѣ Главнаго Штаба Его Величества, противъ Императорскаго Зимняго Дворца.

Цѣна экземплярамъ:

Въ сафьянномъ переплетѣ: въ футлярѣ, съ золотымъ обрѣзомъ 6 р.; безъ футляра, съ золотымъ обрѣзомъ 5 р.; безъ футляра и безъ золотого обрѣза 3 р.; въ шелковомъ переплетѣ: съ золотымъ обрѣзомъ 3 р. 50 к., безъ золотого обрѣза 3 р., въ Англійской папкѣ 2 р. 50 к., бумажной обложкѣ 2 р. сер. На укупорку и почтовую пересылку прилагается особо 25 коп. сереб.

Советъ Женскаго Благотворительнаго Общества заведенія Св. Нины, снмъ доводитъ до всеобщаго свѣденія, что съ 1 числа будущаго ноября мѣсяца, отдается въ наемъ весь верхній этажъ дома, принадлежащаго тому заведенію въ предместьи г. Тифлиса—Кукахъ, съ мебелью, каретнымъ сараемъ и прочими службами; а равно и все лавки какъ въ нижнемъ этажѣ съ подвалами въ этомъ же домѣ, такъ и отдѣльно выстроенныя. Желающіе нанять квартиру или лавки, благоволятъ обратиться о томъ къ члену помянутаго совета по хозяйственной части, г. Полковнику Ивану Антоновичу Демонкало.

Въ верхнемъ этажѣ дома Коллежской Советницы Гамбаровоы на Мухранской улицѣ **ОТДАЕТСЯ ВЪ НАЕМЪ КВАРТИРА** изъ трехъ комнатъ, обитыхъ шпалерами, передней и кухни съ погребомъ. Квартира эта, по отличному устройству, удобна во всехъ отношеніяхъ; о цѣнѣ можно узнать въ этомъ же домѣ у Егора Мирабова.

ПРИБЪХАЛИ: октября 23-го: изъ Владикавказа Генераль-Маіоръ *Вережкинъ*. 24-го: изъ Шуши отставной Подполковникъ *Меликъ-Бегларовъ* изъ Елисаветополя Капитанъ *Хохановъ*, и Титулярный Советникъ *Эмбиджевъ*. 25-го: изъ Закавказья Генераль-Маіоръ князь *Багратіонъ-Мухранскій*, изъ Гори Генераль-Маіоръ *Буберъ*, изъ Севастополя Докторъ Коллежскій Советникъ *Графъ*, изъ Персіи Капитанъ *Махинъ*, изъ уроч. Джала-оглу Капитанъ *Шестаковъ*, изъ Елисаветополя Губернскій Секретарь *Нубаровъ*. 26-го: изъ Новочеркасска Подполковникъ *Михайловъ*, изъ Елисаветополя Капитанъ *Яновскій*, изъ Ше-ахи Подпоручикъ *Яковлевъ*, изъ Телава Прапорщикъ *Вазаловъ*. 27-го: изъ Севастополя Генераль-Лейтенантъ *Обручевъ*, Капитанъ *Сидоровичъ-Богумльскій*, Поручикъ: *Родионовъ* и *Стрекаловъ*, и Оберъ-Аудиторъ *Данишевъ*, изъ Одессы Генераль-Маіоръ князь *Эристовъ*, изъ Гавриловскаго Статскій Совѣтникъ *Ханьковъ*, изъ уроч. Кара-Агачъ Подполковникъ *Каленевъ*, изъ Ставрополя Подполковникъ *Павловъ*, и Лекаръ: *Лавовскій* и *Одосумовъ*, изъ Владимира Надворный Советникъ *Ломидзе*, изъ Кубани Капитанъ-князь *Аргутинскій-Долгорукий*.

ВЫБЪХАЛИ: окт. 24-го: въ Горию Подполковникъ *Григорьевъ*, въ Сухумъ-Кале Подполковникъ *Серебряковъ*, въ Одессу Штабсъ-Капитанъ Баронъ *Сакенъ*, въ Мухранскій Поручикъ *Парфелевко*. 25-го: въ Александрополю Генераль-Маіоръ князь *Чавчавадзе*, въ уроч. Парскій Келодцы Генераль-Маіоръ Баронъ *Врангелъ*, въ Зугдиду Губернскій Секретарь *Деспотъ-Зеновичъ*.

МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКІЯ НАБЛЮДЕНІЯ.

Мѣсяцъ и числа по старому стилю.	Часы.	Термометръ Р°.		Скорость воздуха	Барометръ при 15 1/2 Р°.	Направленія вѣтра.	Состояніе неба.	Темпер. Ревм.	
		Сухой.	Смогъ.					Ноч.	Днев.
25-го Окт.	7 утра	+ 4,8	+ 5,5	0,74	372,63	СЗ. слаб.	Обл. разс.	+ 2,4	+ 9,2
	1 попол.	+ 8,8	+ 8,2	0,49	372,51	СЗ. оч. силн.	Обл. мѣстн.		
	9 вечер.	+ 5,6	+ 5,6	0,63	374,43	СЗ. сильн.	Ясно.		
24-го Окт.	7 утра	+ 5,7	+ 2,7	0,82	376,24	СЗ. оч. сл.	Облачно	+ 5,2	+ 9,2
	1 попол.	+ 8,6	+ 3,7	0,59	375,46	Тихо.	Обл. мѣстн.		
	9 вечер.	+ 5,4	+ 2,6	0,35	376,50	— — —	Ясно		
23-го Окт.	7 утра	+ 0,4	+ 0,0	0,92	376,43	Тихо.	Ясно.	— 0,4	+ 9,7
	1 попол.	+ 8,6	+ 3,6	0,37	373,13	СЗ. оч. сл.	Обл. на гориз.		
	9 вечер.	+ 7,9	+ 4,9	0,36	374,51	— оч. сильн.	— — —		
26-го Окт.	7 утра	+ 6,2	+ 4,4	0,71	374,54	С. сильн.	Обл. мѣстн.	+ 4,9	+ 10,7
	1 попол.	+ 10,5	+ 6,0	0,44	375,63	СЗ. оч. силн.	Обл. на гориз.		
	9 вечер.	+ 6,6	+ 4,5	0,66	375,39	— умѣр.	Обл. тонк. разс.		

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ.

ТИФЛИСЪ, 23-го Октября 1855. Исправляющій должность Цензора А. Зайцевъ. Въ Типографіи Канцеляріи Намѣстника Кавказскаго Редакторъ Н. Сливинскій.